

© 2011 г.

Л.Я. ДЯТЧЕНКО, В.П. БАБИНЦЕВ

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

ДЯТЧЕНКО Леонид Яковлевич – доктор социологических наук, ректор Национального исследовательского университета БелГУ (E-mail: rectoro@bsu.edu.ru). БАБИНЦЕВ Валентин Павлович – доктор философских наук, зав. кафедрой социальных технологий того же университета (E-mail: babintsev@bsu.edu.ru).

Аннотация. В статье обосновывается необходимость теоретического анализа социально-технологической культуры, рассматриваются основные подходы к ее исследованию*. Она определяется как система диспозиций личности, выражающихся в формировании и развитии умений и навыков поведения и обеспечивающих достижение профессиональных и жизненных целей при помощи сознательного использования социальных технологий. Представлена система показателей, позволяющая оценить ее состояние.

Ключевые слова: социальные технологии • социально-технологическая культура • жизненная стратегия • социально-технологические компетенции

Почти двадцатипятилетняя история российских реформ – противоречивая и неоднозначная – имеет одну особенность. Инициаторы реформ пытались утвердить типичную для индустриальной и с некоторыми оговорками постиндустриальной западной цивилизации социально-экономическую модель, базисные ценности которой – рациональность, знания, материальное благополучие. Элементы ее во фрагментарном виде наблюдаются в самых различных сферах жизни: от государственного управления до семейно-брачных отношений. Можно дискутировать, оценивая происходящие перемены и их долгосрочные последствия для отечественной культуры и цивилизации, но важнее понять, как они сегодня сказываются на жизнестроительстве россиян.

В качестве последствия выделим рационализацию социального поведения человека, приводящую к распространению его целерационального (по известной классификации М. Вебера) типа. Наглядные проявления целерационального отношения к действительности – попытки прогнозировать и планировать свою жизнь, отказываясь от установки на спонтанные решения, “на авось”, которые чаще всего предпринимают молодые люди. Это фиксируют различные социологические исследования. В частности, И.В. Винтин, опираясь на результаты опросов в Мордовии, утверждает, что “в со-

* Статья подготовлена при поддержке проекта “Управление формированием социально-технологической культуры менеджеров”, выполняемого в рамках Федеральной целевой программы “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 гг.

временных условиях процесс самоопределения становится более продолжительным". По его данным, в 2001 г. 53,7% респондентов имели промежуточный, а 21% – конкретный жизненный план [1, с. 86–87].

Установка на жизненное планирование дополняется ярко выраженным утилитарно-прагматическим отношением к действительности. Исследования, проведенные в Белгородской области в 2007–2009 гг. [2], показывают, что современная молодежь преимущественно ориентирована на индивидуализм, прагматизм в выборе жизненных стратегий, отмечается кризис нормативности и др. Молодежь все меньше рассчитывает на поддержку извне, предпочитает верить в свои силы.

Рационализм и прагматизм характеризуют сознание и поведение не только молодежи. Эти процессы затрагивают практически все социальные процессы и большинство участвующих в них социальных субъектов. Возьмем, к примеру, административную реформу в сфере государственного управления. Ее рационализация выразилась в установках на стандартизацию и регламентацию государственных функций и услуг, в провозглашении установки на оценку результативности деятельности чиновников и структур.

Очевидно, что в современной России “логос” становится все более приоритетным по отношению к “мифосу”. А это значит, что рациональное освоение и преобразование социальной реальности преобладает над внерациональным, опирающимся на эмоции. Тенденция неорганична всей истории отечественной культуры и внутренне противоречива, поскольку в повседневной практике, в том числе и в практике управления, приходится иметь дело с квазирациональными способами преобразования общественного и личного бытия. Но она все чаще обуславливает комплекс фундаментальных трансформаций в обществе и личности, главными из которых являются прагматизм, превращение знания в инструментальную ценность, элиминация иллюзий, обусловленных идеологическими смыслами, стремление планировать свою жизнь.

Итак, логическое следствие – технологизация общественных процессов, представляющая собой целенаправленное и систематическое проектирование и внедрение социальных технологий. В свою очередь, социальные технологии мы рассматриваем как систему процедур преобразования действительности, оптимизации жизнедеятельности человека, для которых характерны: 1) целесообразность, сознательность действий, выражающаяся в четкой формулировке целей, способности выстроить их иерархию, опираясь на представление о наиболее актуальных социальных проблемах; 2) упорядоченность и планомерность деятельности, которые возможны на основе отмеченной выше целесообразности, с одной стороны, а с другой – логическое следствие наличия концепции управления; 3) расчлененность и дифференцированность действий. Социальные технологии имеют место лишь в тех случаях, когда осуществляется разделение социального действия на отдельные процедуры; 4) рациональность, научный подход; 5) рефлексивность, условие которой – постоянная критическая самооценка субъекта социального действия, применяемых им методов познания и преобразования социальной действительности.

Подчеркнем, социальные технологии представляют собой один из видов упорядоченных, совершающихся по определенному алгоритму приемов и способов преобразования природных объектов и артефактов. Они не имеют принципиальных отличий от технологий в сфере материального производства, поскольку возможность технологизировать любой социальный процесс заложена в структуре человеческой деятельности и в природе человека. В то же время видовое отличие социальных технологий от технологий вообще заключается в их непосредственной ориентированности на преобразование общественных связей и отношений человека. Только в этом процессе они приобретают атрибут социальности.

Утверждая, что даже фрагментарная, непоследовательная рационализация российской действительности создает реальные предпосылки для внедрения социальных технологий, отметим противоречивость процесса. Практика показывает, что технологизация социального действия зачастую оборачивается имитацией. Наиболее

отчетливо это проявляется именно в сфере управления, где внедрение социальных технологий нередко сводится к бумаготворчеству, бюрократизации отношений, к введению новых, совершенно необоснованных процедур. Подобное происходит и на личностном уровне.

Так, актуализируется потребность в формировании и развитии социально-технологической культуры личности, прежде всего в управленческих системах. И.В. Бурмыкина подчеркивает, что “возникает потребность в появлении качественно нового субъекта управления, способного к проектированию социальных отношений, к выполнению глубокого анализа социальных систем, к постановке задач управления социальными системами различного класса, правильному выбору методов их решения с использованием современных информационных технологий, к разработке социальных технологий, призванных гармонизировать социокультурную среду, а также находить при ограниченных ресурсах оптимальное решение поставленной задачи в данном месте и в данное время, созданию условий для самоактуализации, раскрытия внутреннего потенциала социальной системы. Другими словами, субъекты управления должны обладать высокой **социально-технологической культурой**. При сочетании социокультурного фактора ценностей и технологического знания у субъекта управления формируется залог, условие эффективности управления, внутренняя производительная сила управления, сохраняется целостность социальной среды [3, с. 30].

Среди исследователей нет единства в отношении дефиниции социально-технологической культуры. Более того, существует ограниченное число определений этого феномена. Л.Г. Пуляева представляет ее как способ осуществления деятельности, “связанный с расчленением ее на отдельные действия (операции), соблюдением их последовательности, выбором наиболее рациональных способов (методов) их выполнения” [4, с. 14]. Т.И. Морозова определяет как систему диспозиций личности, умений и навыков поведения, обеспечивающих достижение жизненных целей и благоприятные условия для саморазвития, проявляющихся в конкретных социальных действиях и взаимодействиях [5, с. 48]. И.В. Бурмыкина характеризует как “паттерн базовых представлений, ценностей и технологий организации познавательной и преобразовательной социальной деятельности, реализуемых в социальном взаимодействии, ориентированный на получение оптимального социального результата, достижение жизненных целей, повышение качества жизнедеятельности, посредством технологически грамотной организации и самоорганизации деятельности, раскрытия потенциала (ресурсов) социальной системы и личности. Это культура системного мышления и системного социального действия, характеризующаяся способностью действовать рационально, технологично, конструктивно, инновационно, гуманно” [3, с. 30].

Проведенный Центром социальных технологий университета в 2010 г. экспертный опрос, в котором приняли участие 30 ученых и преподавателей вузов из различных городов России, область научных интересов которых находится в сферах социальных технологий и менеджмента, подтвердил, что неопределенность в отношении данной дефиниции типична для научного сообщества. Относительное большинство экспертов (40%) сочло наиболее адекватным определение социально-технологической культуры, предложенное И.В. Бурмыкиной. Определение ее как системы диспозиций личности, выражающейся в формировании и развитии у нее умений и навыков поведения, обеспечивающих достижение профессиональных и жизненных целей при помощи сознательного использования социальных технологий, получило одобрение только каждого пятого участника опроса; 16,67% рассматривают социально-технологическую культуру как органическую часть общей культуры, которая стремится в своем содержании интегрировать достижения технических и гуманитарных наук, применять интегрированные принципы не только к изучению социального пространства, но и к активному его обустройству в соответствии с целями развития социальных систем, смыслом человеческого существования. Отметим, что только один из экспертов отрицал наличие социально-технологической культуры вообще, признавая отдельное существование ее социальной и технологической сторон.

Экспертный опрос был ориентирован на выяснение позиции специалистов в отношении проблем формирования и развития социально-технологической культуры менеджеров. Примечательно, что 50% экспертов согласились с утверждением: ее специфика заключается в комплексе умений и навыков взаимодействия с людьми при решении профессиональных проблем; 36,67% приняли его полностью.

Таким образом, налицо расхождение суждений о содержании феномена социально-технологической культуры достаточно компетентных специалистов. Эта неопределенность создает существенные трудности для решения практических задач формирования и развития социально-технологической культуры населения. Необходима разработка и реализация комплексного межрегионального исследовательского проекта, результаты которого могут быть реализованы на практике. Такие работы ведутся на базе нашего университета. В 2006 г. в университете проведена Международная научно-практическая конференция «Социально-технологическая культура как феномен XXI века»; в 2009 г. – «круглый стол» «Формирование и развитие социально-технологической культуры специалистов»; в 2010 г. – симпозиум с тем же названием. Считаем возможным формирование своеобразного интеллектуального центра, одной из функций которого будет организация и координация исследований в сфере социальных технологий и социально-технологической культуры.

Реализация проекта решит несколько задач. Предстоит разработать концепцию исследовательского проекта, в основе которой представление о социально-технологической культуре как системе диспозиций личности, выражающейся в формировании и развитии у нее умений и навыков поведения, обеспечивающих достижение профессиональных и жизненных целей при помощи сознательного использования социальных технологий. Данный подход, который условно можно определить как аксиологический, фундируется несколькими соображениями. Во-первых, представлением о том, что социально-технологическая культура – форма проявления общей культуры человека. Во-вторых, трактовкой культуры как системы ценностей, смыслов и деятельности, направленной на их практическую реализацию, воплощающейся в комплексе материальных и духовных артефактов. В-третьих, утверждением, что особенностью социально-технологической культуры является ее целевая направленность, поскольку социальные технологии, как конкретные процедуры преобразования реальности максимально целесообразны. Более того, без четко сформулированной и подвергнутой декомпозиции цели технологизация любого вида деятельности становится невозможной.

Кроме того, необходимо оценить состояние социально-технологической культуры различных социальных групп. Ключевая проблема заключается в разработке показателей, позволяющих дать не фрагментарное, а системное представление об исследуемом объекте. Разделим показатели на две группы социально-технологических компетенций. Компетенция рассматривается как способность действовать по апробированному и научно обоснованному алгоритму при решении проблем определения и реализации жизненной стратегии и профессиональной деятельности.

К первой группе относятся показатели, дающие представление о компетенциях в сфере индивидуально-личностного развития и межличностного взаимодействия. В соответствии с моделью формирования жизненной стратегии Ю.М. Резника и Е.А. Смирнова [6] целесообразно выделить три подгруппы показателей. (1) Показатели оценки способности к стратегическому выбору, включающему анализ жизненной ситуации и выявление жизненных проблем; самооценку и оценку позиций социальных контрагентов; прогнозирование развития жизненной ситуации с учетом различных сценариев; сравнение жизненных сценариев; выбор варианта поведения и обоснования этого выбора; формулировку жизненных целей и их декомпозиции. (2) Показатели, позволяющие оценить процесс конструирования и реализации модели жизненного поведения, которая включает в себя способности определять последовательность действий по достижению жизненных целей; обосновывать предпринимаемые действия; сопоставлять запланированные и достигнутые результаты; оценивать результативность

и эффективность собственной деятельности и действий окружающих; рассчитывать потребности в ресурсах, необходимых для достижения жизненных целей; организовывать взаимодействия с социальными референтами различных статусов, в том числе и устранение коммуникативных барьеров; разрешать межличностные конфликты. (3) Показатели представления (презентации) жизненной стратегии референтному окружению, предполагающего способности соотносить собственные интересы и цели с целями референтного окружения; создавать собственный позитивный имидж; информировать окружающих о личностных целях и способах их достижения.

Вторая группа – социально-технологические компетенции человека применительно к профессиональной деятельности, которые связаны с его способностью к управлению людьми. В основу их структурирования предлагаем положить фазы (этапы) управленческого цикла. Согласно концепции М. Маркова, разделим его на четыре процедуры, включающие, в свою очередь, несколько операций. Первая процедура – формулировка цели. Связанные с нею операции – диагноз, прогноз, формулирование конечной цели, стратегия действия, конкретные задачи. Вторая – принятие решения, раскрывающаяся в следующих операциях: выявление проблемной ситуации; обоснование вариантов действия; выбор оптимального варианта, утверждение решения. Третья – организация социального действия, включающая распределение задач между исполнителями, координацию и регулирование процесса исполнения, контроль. Четвертая – анализ результатов. Она предполагает следующие операции: сопоставление запланированных и достигнутых результатов, открытие новых проблемных ситуаций, первоначальное формулирование новой цели [7, с. 76–77].

В соответствии с процедурами выделяем показатели целеопределения. Они включают в себя оценку способности к организации людей, взаимодействию с ними в ходе социальной диагностики по различным моделям; прогнозированию общественных, в том числе управленческих процессов; формулировке целей и их декомпозиции; определению стратегии действий; оформлению стратегии в виде проектов, программ и планов как текстовых документов; работе над программными документами. Далее целесообразно выделить показатели принятия решений, характеризующие способности взаимодействовать с людьми при анализе проблемной ситуации; обосновании вариантов действий; выборе оптимального варианта действий; утверждении решения самостоятельно или в процессе обращения к высшим должностным лицам (инстанциям).

Третья группа – организационные показатели, позволяющие оценить способности распределять задачи между исполнителями; координировать и регулировать процесс исполнения; осуществлять контроль над процессом исполнения решений; налаживать и поддерживать конструктивные отношения с гражданами и организациями как потребителями государственных услуг (клиентами), а также с коллегами. За ними следуют аналитические показатели, дающие представление о способности взаимодействия с контрагентами в ходе сопоставления запланированных и достигнутых результатов, открытия новых проблемных ситуаций; оценки результативности и эффективности собственной деятельности и деятельности подчиненных, первоначальной формулировки новых целей.

Параллельно с диагностикой, осуществленной по предложенным показателям, проведем анализ процесса формирования социально-технологической культуры личности в ходе профессионального образования, развития, практической деятельности и самообразования. Исследование данного аспекта проблемы опирается на положение о том, что процесс формирования социально-технологической культуры в идеале должен осуществляться в течение всей жизни. Оценка его состояния предполагает: 1) изучение задач, решаемых в ходе каждого вида деятельности и требующих социально-технологических решений; 2) определение результатов деятельности по изучению и практическому применению социальных технологий; 3) анализ результатов на базе критериев, основанных на модели социально-технологических компетенций;

4) выявление проблем, барьеров и трудностей, возникающих при овладении социальными технологиями.

Особое место в формировании социально-технологической культуры занимает самообразование, поскольку оно сопровождает и дополняет каждую из перечисленных составляющих формирования социально-технологической культуры. Анализ этого вида деятельности требует специфических показателей, отражающих диспозицию личности в отношении социальных технологий.

Осуществление предлагаемого проекта может быть максимально успешным лишь при условии интеграции усилий различных социологических школ, сопоставления результатов, полученных в различных субъектах Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винтин И.А. Особенности социального самоопределения старшеклассников // Социол. исслед. 2004. № 2. С. 86–93.
2. Бабинцев В.П., Морозова Т.И., Реутов Е.В. Самоорганизация российской молодежи: препятствия и механизмы. Белгород: Константа, 2009.
3. Бурмыкина И.В. Управление формированием и развитием социально-технологической культуры современного менеджера. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.
4. Пуляева Л.Г. Социально-технологическая культура организационно-управленческой деятельности. Дис. канд. социол. наук. Орел, 2004.
5. Морозова Т.И. Формирование социально-технологической культуры школьников в регионе. Дис. канд. социол. наук. Белгород, 2005.
6. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН, Независимый институт гражданского общества, 2002.
7. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1982.

© 2011 г.

А.А. ДАВЫДОВ

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ

ДАВЫДОВ Андрей Александрович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, вице-президент Российского общества социологов (E-mail: keyly@isras.ru).

Аннотация. В русле системной социологии на основе комплексного системного анализа, имитационного моделирования и прогнозирования разработан и сформулирован долгосрочный прогноз динамики Human Development Index (HDI) – Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) для России до 2050 г.

Ключевые слова: социология системная • комплексный системный анализ • Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) • Россия

Введение. Фундаментальной социальной концепцией и приоритетной целью ООН является “Human Development” (развитие человека) [1], которая базируется на Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. В сравнительных исследованиях ООН развитие человека в странах мира